

ЛОРА ДОКРИЛЛ

ШИРОКАЯ КОСТЬ

**МОСКВА
2019**

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д63

Laura Dockrill
BIG BONES

Copyright © 2018 by Laura Dockrill

Перевод с английского *Ольги Бараш*
Художественное оформление *Елены Околицыной*
Иллюстрация на переплете *Анастасии Булавкиной*

Докрилл, Лора.

Д63 Широкая кость / Лора Докрилл ; [пер. с англ. О. Бараш]. — Москва: Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-103670-6

Шестнадцатилетняя Биби пытается жить обычной жизнью: ходит в школу, мечтает стать баристой. Она счастлива и влюблена — в еду. И это проблема. Окружающие уверены, что ей нужно заняться собой и измениться. Сомнения пожирают ее изнутри, пока однажды неожиданная трагедия в семье не заставляет Биби пересмотреть свои взгляды на мир и заодно на себя. Наконец приходит осознание: единственный человек, которого надо полюбить и принять, — это она сама. Но так ли это просто?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-103670-6

© Бараш О., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Оладьи

После приступа астмы я первым делом съела оладью. Ну хорошо. Пусть не оладью. Скорее упаковку. Упаковку оладий.

— Запихни их, пожалуйста, назад. Похоже, они еще сырые.

— И это все, о чем ты можешь думать, Биби, после того, как чуть не померла, — возмущается Дав и запихивает оладьи обратно в тостер. — И потом, покупные оладьи не бывают сырыми, дурында ты.

Я не отношусь к людям, которые «не в состоянии есть». Я всегда в состоянии есть. Даже когда болею. Даже когда мне грустно. И даже когда по телевизору показывают, как кого-то тошнит.

— Не обзывайся. Скажи спасибо, что я жива. Запихни их еще раз.

Я люблю, чтобы оладьи были поджаристые и густо намазанные маслом. Я люблю, чтобы все масло просачивалось в дырочки и текло на тарелку, чтобы потом промокать солененькую желтую лужицу теплой губкой мякоти.

— Ты же знаешь, что мама собирается отправить тебя наконец к врачу?

— Ага. — Я снимаю с ресниц комок туши и скатываю в маленький черный шарик, как прихлопнутую муху. — А доктор Хамфри собирается сообщить мне, что я толстая.

— Что у тебя избыточный вес. Врачи не говорят «толстая».

— Ну ладно, избыточный вес. Все равно.

Лора Докрила

— Но только это глупость. Если верить этой их таблице, у всех нынче избыточный вес.

— У тебя нет.

Рядом с Дав и простой карандаш может показаться толстым. Она опирается о кухонную стойку, подтягивается на руках и висит, дрыгая ногами, как будто идет на цыпочках прямо по воздуху.

— Хотя, по-моему, этот индекс массы тела придумали в 50-е, когда все были махонькие... Видела бабушкино свадебное платье? Как будто кукольное. У меня даже одна нога бы в него не влезла. Такие крошечные вещишки, сейчас совершенно ни на что не годные. У нас даже размер обуви здоровенный.

Я вижу, что от тостера клубами поднимается пар, и впадаю в панику.

— Все, готовы, вынимай скорей!

— Могла и сама это сделать, Биби, — говорит Дав, но все равно плюхает передо мной пышные теплые лепешки.

— Дав, я только что чуть не померла, а тебе трудно приготовить мне оладушки? Давай масло.

Ногти

Мы ждем, когда мне скажут, что я толстая. Ждем вместе с мамой. И грызем ногти перед кабинетом врача. Мы обе знаем, что грызем ногти не потому, что волнуемся. Нет, мы совершенно не волнуемся. Мы грызем ногти, потому что нам обеим нравится их грызть.

Просто у мамы больше силы воли, чем у меня.

Я ОБОЖАЮ еду. В детстве, получив карманные деньги, я не покупала себе игрушки или сладости — нет, я тут же бежала и покупала увесистую картофелину в мундире с сыром и бобами.

— Не трогай журналы, — почти не разжимая губ, говорит мама. — На них полно микробов.

Я мысленно перебираю предметы, которые уже трогала здесь: дверь, звонок, перила. И теперь все микробы собрались у меня во рту и на маленьких белых пупырышках языка собираются в какую-нибудь смертельную болячку. Но меня и не тянет трогать журналы.

Я НЕНАВИЖУ такие журналы. В которых красными кольцами обведены части тела женщин в купальниках и выставлены напоказ, словно ряд пирожных с кремом в булочной. Слишком толсто. Слишком тонко. Слишком целлюлитно. Слишком дрябло.

Слишком жизненно.

Знаете ли, готова поспорить на что угодно, что все эти тетки, которые зарабатывают на жизнь рисованием красных линий на телах знаменитостей, сидят на своих толстых задницах в тесных офисах, пожирают сэндвичи в упаковках и ненавидят сами себя. Что это за жизнь? Я бы предпочла, чтобы на мне рисовали эти красные круги, чем самой рисовать их.

«Ну как, дорогая, хорошо прошел рабочий день?»

«О да, как обычно, нарисовала кучу красных колец на полуголых бабах и поместила фото на обложках журналов».

«Молодец, отлично потрудились».

Доктора Хамфри нет, поэтому нас принимает медсестра. Мне это нравится больше: сестры не такие самодовольные. Больше похожи на людей. Таких же, как мы. А эта и сама довольно полная, так что есть надежда, что она не кинется мысленно рисовать красные круги и тыкать пальцами.

— Девочки обычно не любят взвешиваться, — замечает она, когда я запрыгиваю на весы.

— К Биби это не относится, — шутливо говорит мама. — Я думала, ваша сменщица вам сообщила.

Я закатываю глаза. Ну да. Я спокойно становлюсь на весы, потому что мне нечего скрывать, нечего стесняться и нечему удивляться. Что у меня, глаз нет? Я-то себя знаю.

— Тебе необходимо похудеть, — говорит сестра. Господи, как можно быть такой серьезной. И нигерийский акцент в ее речи будто усилился. Я все это уже слышала. Зеваю. — Это будет полезно для твоей астмы. — Какие у нее красивые золотые часы. Тоненькие, похожи на старинные, очень идут к темной коже ее запястья, будто лежат на черном бархате. — И кровяное давление. Тебе всего шестнадцать, но ты уже в группе риска, Блюбель, — диабет, повышенный холестерин, рак. И дальнейшие приступы астмы.

Ладно, тетя, остынь. Разве не все мы живем под угрозой рака? Одна девочка из моей школы не ест покупного салата, потому что он канцерогенный. Она, конечно, большая на всю голову, но тем не менее. Похоже, что канцерогенно абсолютно все.

— Хм-м. Вряд ли я смогу похудеть.

Мама смотрит в потолок. Опять.

Медсестра фыркает, чмокает губами.

— Конечно, сможешь. Надо просто больше двигаться и меньше есть.

Постойте... извините, это мне не послышалось: «МЕНЬШЕ ЕСТЬ»? Послушать ее, так это так легко. Вот я ей и говорю — с сарказмом:

— И это, по-вашему, так легко?

— Очень легко. Есть три раза в день, с голоду не умрешь. На завтрак яйца, на ланч салат с курицей, на обед рыба с овощами и рисом. Вот и все. Легче легкого.

И никакого пудинга. И никаких пирогов.

Жесть.

Она что-то записывает на голубом листочке. Вероятно, мой вес, потому что она пишет целую вечность. Кончик ее шариковой ручки изгрызен. Тоже, стало

быть, любит грызть. Наш человек. Записывая, она приподнимает бровь, как будто выписывает чек кому-то, кто этого не заслужил. Потом, глядя на меня в упор, начинает говорить, наставив на меня кончик жеваной ручки.

— Знаю я вас, девчонок. Вы все думаете: раз у меня хорошенькая мордашка, ничего, что я ужасно толстая.

Ага: ужасно.

Во-первых, я считаю, что врачи и медсестры не должны позволять себе прохаживаться по поводу внешности пациентов. Они должны относиться к частям тела как к голым фактам. Рука. Голова. Ноздря. Печень. И нечего докладывать пациентке, что она хорошенькая.

— Нет, — смеюсь я. — Я вовсе не думаю, что у меня хоть что-нибудь хорошенькое.

Что, не ожидала, что этот крученный мяч полетит в твою сторону? Ха-ха!

Она смеется, фальшиво, будто проглотила муху, и самодовольно.

— Извини. В гробу ты будешь очень хорошенькой.

Ого. Ох.

Мама начинает плакать.

Да какого черта? Нет. С какой стати она плачет? Я думала, у нас все под контролем.

— Мам, не реви. Мама. Ну чего ты? Ты же никогда не плачешь.

— Я и не плачу.

— А то я не вижу. Мама. Это же слезы. Вон, текут в три ручья.

— Мне просто... Извини, я... Когда ты была маленькая, я тебя хвалила за то, что ты доедаешь все с тарелки... Ыыы... да... ик... и... и теперь, когда у тебя стресс... может, из-за этого ты все время ешь? (Только не говори: «чтобы привлечь к себе внимание».) — Чтобы утешиться, — добавляет она. — Может быть, это из-за меня? Я во всем виновата.

— Ты? В чем ты виновата? Я знаю, что бываю прожорливым поросенком, мам. Я ем жареную картошку, сыр, мороженое, белый хлеб и все-все-все. Меня не нужно кормить насильно. Это я из-за себя толстая, не из-за тебя... и нечего извиняться, мне нравится есть и нравится моя внешность, а это в моем возрасте большая редкость. Почти все знакомые девчонки презируют свое тело. — Я качаю головой: ну чего она ревет? — Гос-с-с-поди, мама, ты же гордиться мною должна. Ну мам!

— Вот видишь, — говорит сестра, — это эгоизм — быть такой толстухой. Из-за тебя мама плачет. — Да заткнись ты, наконец. Я ловлю себя на том, что мысленно спорю с ней. Отстаиваю свое право быть толстой.

— Но я здоровая. Я хорошо кушаю. Я не понимаю, какого... мам, ну не плачь.

— Это не называется «хорошо кушаю», это называется ожирение.

Крылья

ОЖИРЕНИЕ? И это говорит вполне себе ТОЛСТАЯ медсестра. Да что она вообще понимает? Она же даже не врач. НЕНАВИЖУ эту сестру.

— Мама, я хорошо кушаю, правда? Мы едим все органическое. Ну скажи ей, пожалуйста!

— Мы дома хорошо питаемся. — Шмыгая носом, мама начинает нас защищать. — Но мы с ее отцом... мы разошлись... сейчас живем отдельно; это не в первый раз... мы просто... все так сложно... — Она вытирает слезы и смотрит на меня. А я разглядываю прорези в ставнях, фигурные бусины, соединяющие полосы ткани, ящик с медицинскими картами пациентов, выслушивающих хорошие или дурные вести, сидя на этом красном пластиковом стуле.

И тут мама просто убивает меня.

— Иногда ты просто заедаешь стресс, Блюбель.

— Нет, мама, ничего подобного.

— А это возможно, — встревает сестра. — Расставание родителей может быть источником стресса и беспокойства для подростка. — Последнее слово она произносит так, будто это диагноз. Подросток. Она упирает руки в бока.

— Тебе необходимы протеины. Куриный бульон и больше двигаться.

Я думаю о своей младшей сестре Дав, которая преспокойно носится по крышам домов. Она такая легонькая, будто к ее спине приделаны невидимые крылья. Думаю и о своих крыльях, которые тянут меня к земле, как перекормленную индейку.

Мама, глядя в пространство невидящими глазами, бормочет:

— Все из-за нас с отцом.

Бррр. Ну уж нет.

— Это ни на грамм не связано с тем, что вы с папой опять разбежались. НИ НА ГРАММ, — ворчу я. Правда, абсолютно никак. — Вы тут совершенно ни при чем. Вам лишь бы привлечь к себе внимание. А я была толстой и до того, как у вас начались проблемы. Пошли домой, а?

— Я думаю, сестра права, Блюбель. Думаю, нам пора с этим разобраться.

— Мама! Мы же только этим и занимаемся, забыла? Это же наше хобби. Мы приходим сюда, нам говорят, что я толстая, и мы идем домой... Не понимаю, почему на этот раз ты развела целую трагедию.

— Да, Биби, но раньше у тебя не было приступа астмы, от которого ты чуть не умерла.

Я так и знала, что в конце концов родители свалят мою любовь к еде на свою нелюбовь друг к другу. Так и тянет именно в маме увидеть предательницу, из-за которой я стала толстой.

Медсестра начинает рыться в шкафу.

— Вот, возьми. — Она протягивает мне тетрадь. — Будешь сюда записывать все, что ты съела за день.

— Что-о? Я же не робот.

— Ха-ха! Ешь-то ты как машина для поглощения пищи.

Этой медсестре. Нет. До нас. Никакого дела.

— Ничего подобного. И вообще, будь я машиной для поглощения пищи, сменила бы механизм на новый, потому что хотела бы есть все время, а я так не поступаю.

— Раз ты говоришь, что здорова, я должна в этом убедиться. — Она протягивает мне тетрадку, я отдаю обратно, она сует ее мне прямо в руки, как будто это такая игра. — И если твое питание такое здоровое, как ты утверждаешь, тебе не о чем беспокоиться.

— Мам, да скажи ты ей, что мне не надо записывать все, что я ем. Мне не нужно наблюдение.

— Попробуй в течение шести недель, — предлагает сестра. — Потом приходи ко мне и посмотрим.

— ШЕСТЬ недель?

— Да, шесть.

— Но это же шесть недель летних каникул! Мама, ну скажи ей — я хочу быть свободной и есть все, что мне вздумается.

— Боюсь, этим летом номер не пройдет. — Сестра опускает голову и поднимает выщипанные брови. — Кончилось твое веселье.

ФИ-ГУ-ШКИ. Оно еще даже не начиналось.

— Я не ребенок.

— С точки зрения закона ты именно ребенок, Блюбель.

Тут вмешивается мама.

— Если с тобой случится что-то серьезное, отвечать придется мне. Это же просто дневник питания. Очень хорошая мысль, считай, что просто ведешь дневник.

Дневник питания

Дневник. Да, я могла бы вести дневник. И понимаю, что это мой единственный шанс. Прямо здесь, когда мама чувствует себя такой беспомощной и слабой, и в присутствии этой кошмарной медсестры. Я воспользуюсь этим в своих целях, и пусть мама рухнет под тяжестью происшедшего. Пожалуй, рискну. Сейчас или никогда.

— Я не хочу поступать в колледж. — Мамино лицо становится сердитым, выражение точь-в-точь как у подростка с плаката «Нет наркотикам!», висящего на стене у нее над головой. Действительный, однако, плакат. — Хочу покончить с учебой. До свиданья. Кончено. Больше. Никакой. Учебы.

— И не думай, — отрезает мама.

Сестра произносит «о-о-о-о», словно кучка детей на детской площадке, когда кто-нибудь сваливается с горки. Ей явно становится уютно, будто она смотрит ток-шоу.

— Больше никаких разговоров об этом.

— Но я уже все спланировала. Даже Джулиан из службы занятости говорит, что это возможно.

— Нет, Блюбель, мне наплевать, что говорит Джулиан из службы занятости. Ты не бросишь школу, мы уже сто раз об этом говорили. И неужели мы должны это обсуждать в кабинете врача?

— Мама, это возможно и совершенно законно. Мне нужно пройти профессиональную подготовку... Я могу просто подрабатывать в «Планете Кофе». И если я попрошу Алисию заполнить заявление о стажировке — профессиональном обучении по специальности баристы, то буду получать зарплату и одновременно учиться...

— Да что ты такое говоришь? Мечта твоей жизни — стать баристой?

— Ну... нет, пока не уверена, но если и так, то что? Я просто знаю, что эта дурацкая школа мне ничего не дает, а так я по крайней мере выиграю время, чтобы понять, кем хочу быть.

— Ты просто беспокоишься о результатах экзаменов, Блюбель. Но они уже сданы. Я уверена, оценки будут хорошими. Так что перестань волноваться.

— Экзамены тут совершенно ни при чем. — На самом деле я втайне беспокоюсь о результатах. На экзамене по английскому я заснула, потому что стихотворение для разбора было невероятно скучным; не знаю, почему нам не дают хороших стихов. И мне казалось, что географию я написала нормально, но за ланчем я подседа к Диане и выяснила, что ее ответы очень сильно отличаются от моих, а уж она-то знает все.

Медсестра сидит на своем скрипучем стуле развалившись, как в кресле.

Мама добавляет:

— Ну а в самом худшем случае мы точно знаем, что экзамен по изобразительному искусству ты сдала хорошо.

Вообще-то должна была, но с рисованием получилось хуже всего. Дело в том, что после того как я нарисовала натюрморт — вазу с фруктами, — у меня осталась такая куча времени, что я затушевала весь фон черным угольным карандашом. Не знаю, что на меня нашло. Подвело творческое воображение. Картинка выглядела так, будто побывала в руках у гота. Это изображение будет меня преследовать до конца моих дней.

Тогда-то у меня и случился этот дурацкий приступ астмы. На экзамене по изо. Единственном, в котором я была уверена. И все столпились вокруг меня, смотрели, как я корчусь на заляпанном краской сером линолеуме, будто слизняк, на которого льют соленую воду, и глупо, по-девчоночьи шушукались, не зная, что делать. Еще один повод для школьных дурынд судачить, что разлад

родителей наконец на мне сказался. «Она все замазала черным углем, мисс, а теперь у нее приступ паники, и она умирает! У нее нервный срыв!»

Нет, я туда не вернусь. Не могу, и все тут.

Сардины

— Мам. Ты только выслушай. — Медсестра не встречается — ей это гораздо интереснее, чем выдавать лекарства от аллергии и совать палец в задницы старикам, чтобы выявить геморрой.

— Не сейчас. Мы обсудим это позже, — говорит мама медсестре, даже не глядя на меня.

— Ты сказала, что выслушаешь, если я посоветуюсь с Джулианом из службы занятости.

— Просто чтобы ты успокоилась. Пойдем, сейчас не время и не место.

— Успокоилась? А нормально тут сидеть и обсуждать мою фигуру — это что, не личный вопрос? И что вы с папой опять разбежались. А говорить о моей жизни ты не желаешь. Речь о моем будущем. Не о твоём. И хорошо, что мы говорим об этом при медсестре. Я не хочу поступать в колледж. Не хочу в университет. Я хочу работать в «Планете Кофе». Отрабатывать нормальную смену плюс обучение и заодно думать, чем бы хотела заниматься потом.

— Это называется академический отпуск, — говорит мама, как будто демонстрирует медсестре, что отлично разбирается в теме.

— Нет, мама, академический отпуск означает перерыв в одном и том же виде деятельности. Школа, а потом снова другая школа. А я не хочу делать перерыв. Я хочу резко бросить. До свиданья. Привет. Конец.